Это была зима тринадцатого года правления Дэцзуна. Улицы столицы были чисто подметены, затем снова покрыты тонким слоем снега, когда тепло одетая толпа заполнила обе стороны, вытягивая шеи, чтобы что-то увидеть, пока они ждали. На полпути вниз по дороге показалась вереница лошадей. Члены Левой Крылатой гвардии кричали, изо всех сил пытаясь сдержать толпу.

Общество в великой династии Цинь было относительно свободным, и разделение между полами не было слишком строгим. Девушки и женщины из бедных семей могли последовать за своими родителями или мужьями, чтобы принять участие в веселье, в то время как представительницы богатых семей сидели на крытых балконах ресторанов и чайных, перешептываясь и мило улыбаясь, наблюдая за зрелищем.

- Они здесь, я слышал стук лошадиных копыт!

- Генерал Е приближается!

- Чертовы девчонки! Не толкайтесь, я упаду!

Взволнованные женщины прижались к окнам, все вытягивали шеи, чтобы взглянуть на самую странную женщину в стране, первую женщину-полководца великой династии Цинь.

Стук лошадиных копыт приближался, раздаваясь все отчетливее.

Приближались два больших ярко-желтых флага; с одной стороны был вышит гребень дракона, а с другой - надпись «Великая Цинь», их сопровождали два чернильно-черных флага, на этот раз украшенных изображением тигра и словом «Е». Они хлопали на ветру, внушительные и величественные. За ними следовали две клетки для заключенных, в которых находились император Мань Цзинь и наследный принц. Из-за холодной погоды они не были совсем голышом, но им не разрешили надеть меховые шубы. Однако в соответствии с обычаями лица заключенных были вымазаны разноцветной краской, а в волосах застряло сухое сено, что придавало им жалкий вид.

Мань Цзинь в течение многих лет грабил и вторгался на границу Великой Цинь. Обида была глубока, но теперь эта ненависть была отомщена. Люди аплодировали и подбадривали друг друга, развлекаясь тем, что бросали в них камни.

Восемь сотен всадников Тигро-Волков под командованием Е Чжао следовали по пятам. Они были одеты в доспехи с медной оплеткой и ехали аккуратным строем в торжественном молчании, глядя прямо перед собой. За исключением негромкого звона их мечей, ударяющихся об украшения на седлах, никто из них не издавал ни звука.

Девушки смотрели на всадников Тигро-Волков, пытаясь разглядеть среди них генерала, споря и угадывая в непрекращающейся болтовне.

- Который из них Е Чжао? Тот, что слева, на гнедом коне? Он похож на генерала.

- Глупая! Е Чжао не мужчина, как она могла отрастить такую длинную бороду?

- Тот толстый, что справа?

- Слишком уродливый!

Пока они разговаривали, всадники быстро расступились, образовав небольшую тропинку. Оттуда рысью выехал высокий белый конь. На шее у него висели красные кисточки, а в серебряном седле сидела высокая и стройная фигура в доспехах, украшенных серебряным зооморфным гребнем, и рельефном серебряном шлеме, увенчанном перьями. Опоясанная тяжелым мечом, она сидела в седле прямо. В каждом ее движении чувствовалась сила. Она быстро поравнялась с самым фронтом войск и взяла инициативу в свои руки. Другие генералы на своих лошадях слегка отступили назад, выражения их лиц были полны уважения.

В этот момент не осталось никаких сомнений.

Подобно фениксу в облике дракона, этим гордым генералом могла быть только Е Чжао.

На мгновение воцарилась тишина, затем радостные возгласы стали еще громче.

Люди в павильонах видели волнение тех, кто стоял на улице. Какими бы высокими они ни были, они были окутаны тенями из-за снега и затянутого тучами неба, и они забеспокоились, когда не смогли ясно разглядеть, как она выглядит. Одна из девушек, самая смелая, тихонько развязала узел жуи* в форме двойной рыбы на своем поясе и «случайно» уронила его на дорогу. Он упал прямо рядом с лошадью Е Чжао.

* традиционный талисман, символ власти, удачи, счастья; декоративный предмет изогнутой формы из жадеита, металла, дерева и т.д.

Со свистом и быстротой змеи ее лошадиный хлыст обвился вокруг него.

Держа хлыст в руке, Е Чжао подняла голову и посмотрела на павильон на обочине дороги. Ненадолго выглянуло солнце, пробившись сквозь серое и туманное небо, сквозь кружащиеся снежинки, и его лучи упали прямо ей на лицо.

Как описать это лицо?

Говорили, что у покойного герцога-протектора было какое-то неханьское наследие; действительно, черты лица Е Чжао были очень яркими. Поскольку она была в разъездах круглый год, а ее кампании проходили по всей стране, ее кожа загорела на солнце и была чуть

темнее пшеницы и блестящей, как мед. Под острыми бровями ее глаза были светлее обычного, холодные, как бусины из цветного стекла [1], и казались достаточно суровыми, чтобы пронзить насквозь что угодно. Переносица у нее была прямая, губы плотно сжаты. Она двигалась как мужчина, и совсем не походила на женщину; она была идеальным воплощением мужчины, о котором мечтала половина девушек Великой Цинь.

* лит. □□□□□ liúlí sè móuzi. зрачки ярко-синего цвета.

Она слегка взмахнула хлыстом, описав им красивую дугу. Быстрый, как сокол, пикирующий на добычу, узел жуи взмыл в воздух над головами толпы и приземлился прямо на грудь своего владельца. Немного смущенная, молодая женщина начала опускать голову, но увидела, как уголки рта Е Чжао приподнялись в слабой улыбке, и застыла в изумлении.

Как описать эту улыбку?

Это было похоже на то, когда весна возвращается на землю, и лед, растаявший под лучами солнца, течет медленными ручейками; живописная красота природы.

Это был образ мужчины, о котором мечтала вторая половина девушек Великой Цинь.

Все пожилые женщины уставились на генерала на белом коне, жалея, что не могут убить ее.

Стук лошадиных копыт постепенно затих, но он еще долго звучал в их сердцах.

Первоначально нервничавшие зрители, наконец, расслабились, перешептываясь за чашками чая. Женщины хвастались, что на земле нет мужа лучше ее, и сожалели только о том, что небеса в своей слепоте перевернули естественный порядок вещей и отняли у них этот шанс*. Мужчины, за исключением тех, кто любил других мужчин, все смотрели на Е Чжао с презрением и радовались неудачной ситуации:

- Принц Наньпин всегда открыто заявлял о своей ненависти к обрезанным рукавам, и он такой деликатный. Однако боевые искусства хоу Сюаньу не имеют себе равных в этом мире, и она выглядит такой... могучей. Так редко можно увидеть мужа и жену, которые настолько хорошо подходят друг другу.

* лит. □□□□diāndǎo yīnyáng, «перевернуть инь и ян». Инь ассоциируется с женственностью, а ян - с мужественностью. Речь идет о том факте, что Е Чжао - идеальный кандидат в мужья, но, к сожалению, не тот мужчина, за которого они могли бы выйти замуж.

- Ха, они вдвое вместе, неизвестно, кто над кем будет иметь власть.

- Ставлю десять медных монет! Хрупкие кости принца Наньпина будут раздавлены.

- Кто-нибудь хочет поспорить на то, что генерал будет тем, кто склонится перед ним? Не смотри на меня так, я бы не подписался на это даже за сотню.

- Значит, отныне барышня Сюй не занимает первого места среди столичных мегер?

- Сборище болтунов! Мы на публике. Если ты собираешься так сквернословить, не втягивай в это других людей!

- Оставь это, малышка. Даже если бы ваша семья не торговала свининой, а вы были уважаемой дочерью вана или хоу, никто бы на вас не женился.

- Бедный принц Наньпин...

- Ну, и кто же позволял ему бездельничать все эти годы? Это возмездие! Так ему и надо.

Сам император возглавил сотни чиновников, чтобы поприветствовать их за пределами имперского города, у ворот Чунвэнь*.

* Запретным городом был императорский дворец и его пристройки, императорским городом - прилегающая к нему территория с дворцовыми садами, храмами и т.д.

Е Чжао спешилась, чтобы засвидетельствовать свое почтение, представив пленников и военные трофеи. Мань Цзинь годами грабил другие народы; однажды они вырезали маленькую нацию за морями ради их драгоценного жемчуга. Но теперь, когда их царская семья была свергнута с трона, а Е Чжао захватила их национальное достояние, его самые драгоценные богатства были подарены Великой Цинь: опалы кошачий глаз размером с лонган*, изумруды величиной с кулак, рубины голубиной крови**, сапфиры, бриллианты, жемчуг всех видов, массы сверкающего золота и серебра, сокровища, искусно вырезанные и инкрустированные мастерами других стран, - всё это поражало любого, кто их видел.

* лонган - плод вечнозелёного лонган-дерева, распространённого в Китае, Тайване, Вьетнаме и Индонезии.

** «голубиная кровь» — камни ярко-красного цвета с фиолетовым отливом.

После долгих лет войны национальная казна уже давно была пуста, и это изобилие богатств было совершенно необходимо.

- Ах, мой добродетельный чиновник. - Воодушевленный император лично помог ей подняться, но когда он попытался похлопать ее по плечу, главный евнух поспешно кашлянул. Только тогда он вспомнил о поле Е Чжао. Он поднял руку и слегка помахал ею, хвастаясь: - Генерал Е Чжао вела войну от имени своего отца и совершила много достойных подвигов. Она даже более впечатляюща, чем генерал Цинь Юнюй предыдущей династии.

- Ваше величество, - ответила Е Чжао, - талант не должен проявляться в какой-то одной форме. Только обладая уникальной проницательностью и великими устремлениями, можно вечно находиться рядом со своим монархом.

После этого взаимного обмена мнениями между монархом и его слугой, поприветствовав друг друга несколькими лестными словами перед толпой, они кратко оплакали жертву покойного генерала Чжао ради своей страны, чью добродетельность и честность император всегда высоко ценил. Он пролил несколько слезинок на глазах у всех, затем приказал, чтобы список милостей, которыми он одарил ее, был зачитан публично: звание маршала Тигровых армий царства, сертификат красного железа, родовой хлыст из черного железа, брак с принцем Наньпин и так далее.

Е Чжао выразила свою благодарность. На ее лице не было заметно ни радости, ни гнева.

Император, думая о том, каким разочарованием был принц Наньпин, опасался, что эта чиновница, с ее выдающимися заслугами, будет недовольна. Когда он вернулся во дворец, он даже сказал ей несколько слов утешения наедине: «Мой дорогой генерал, мать-императрица помнит, как долго вы мотались по стране, служа нашему народу. Несмотря на то, что вы прожили необыкновенную жизнь, у вас те же потребности, что и у любого другого человека. Великая Цинь не должна позволять потомку такого благородного дома вести одинокую жизнь, и вам не следует откладывать обретение такой жизни. К сожалению, все члены моей императорской семьи вашего возраста уже женаты, и было бы нелепо притворяться, что пятнадцатилетний или шестнадцатилетний ребенок может вам подойти. В императорской семье только принц Наньпин подходящего возраста; он может быть немного рассеянным, но, тем не менее, он достойный человек, он хорош собой, и, и...» Запинаясь и не в силах придумать, что бы еще добавить, он был вынужден заключить: «Ну, он очень хорош собой. Вы согласны на этот брак?»

«Да», - ответила Е Чжао.

Император вздохнул с облегчением и велел Е Чжао идти и начинать приготовления к свадьбе. Он также отправил указ в поместье принца Наньпин тщательно подготовиться к приему новобрачных через два месяца. Он приказал командиру Левой Крылатой гвардии вернуться, как только Е Чжао ушла, и приказал сквозь стиснутые зубы: «Пошлите больше людей внимательно следить за Ся Юйцзинем. Этот бесстыжий идиот может осмелиться на все. Скажите ему, что если он когда-нибудь откажется от этого брака, вся его семья будет признана виновной в государственной измене. Докладывай мне о малейших его передвижениях. Иначе… Вдовствующая императрица возложит вину на тебя и выдаст генерала замуж за тебя!»

Выражение лица командира резко изменилось; когда его отпустили, он расставил охрану внутри особняка принца Аня и за его пределами плотным строем. Он взял копье и лично отправился стоять на страже внутри день и ночь, неумолимый. Он работал так усердно, что похудел и начал потуже застегивать ремень, но отложил всё это в сторону.

Ся Юйцзинь притворялся прикованным к постели с тех пор, как упал в воду. Когда он услышал об этом, он с негодованием разломал свою бамбуковую подушку на три части.

http://tl.rulate.ru/book/6306/129049